

ФРЭНК ГЕРБЕРТ

ТЕРМИТНИК ХЕЛЛСТРОМА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Г37

Серия «Эксклюзивная классика»

Frank Herbert
HELLSTROM'S NIVE

Перевод с английского *В. Миловидова*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Художник *В. Половцев*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Фрэнк.

Г37 Термитник Хеллстрома : [роман] / Фрэнк Герберт ;
[перевод с английского В. Миловидова]. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-156144-4

Уединенная безлюдная ферма, затерявшаяся между холмами в долине Бегущей Воды, пользуется в округе дурной славой. Местные жители обходят ее стороной — слишком странная эта ферма. И если бы только странная... Говорят, время от времени здесь пропадают люди.

Агентство, действующее в связке с ФБР, получает информацию, что в подземельях под фермой, принадлежащей влиятельному экоактивисту и режиссеру документальных фильмов Нилсу Хеллстрому, живет огромная высокоразвитая колония людей, организованная по принципу сообщества термитов.

Агентство отправляет на объект «Ферма» команду разведчиков...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-156144-4

© Herbert Properties LLC, 1972, 1973
© Перевод. В. Миловидов, 2021
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2023

*Впервые роман был напечатан
в журнале «Гэлакси» под названием «Проект-40»*

Написано праматерью Тровой Хеллстром:
«Приветствую день, когда чаны для перера-
ботки поглотят меня и я стану единым целым
со своим народом».

26 октября 1986 года

Человек с биноклем в руках, извиваясь, полз по нагретой солнцем поляне. В траве шуршали насекомые. Он терпеть не мог насекомых, но сегодня ему было на них наплевать. Главное — добраться до тени, отбрасываемой дубами, которые росли на гребне холма, да еще не потревожить спасительных зарослей, с которых на его руки падали колючки и всякая ползучая мелочь.

Смуглое узкое лицо с глубокими морщинами выдавало его возраст. Ему можно было дать лет пятьдесят, если бы не черные волосы, выбивавшиеся из-под охотничьей шляпы цвета хаки, и быстрые уверенные движения тренированного тела.

Добравшись до гребня, человек несколько раз глубоко вдохнул и протер линзы бинокля чистым льняным платком. Осторожно раздвинул стебли сухой травы и, настроив бинокль, принялся изучать ферму, раскинувшуюся внизу, на открывшейся с холма долине. Легкая дымка, поднимавшаяся над нагретой августов-

ским солнцем земель, смазывала картинку, которую давал его мощный, сделанный по особому заказу бинокль с десятикратным увеличением и с объективом на шестьдесят миллиметров. Человек обходился с прибором как с винтовкой во время выстрела — затаивал дыхание и сканировал местность быстрым взглядом, удерживая в неподвижности дорогую игрушку из стекла и металла, способную самые отдаленные объекты представлять в мельчайших деталях.

Перед его усиленным техникой взором появилась ферма — на отшибе от всего мира и безлюдная. Простиравшаяся в длину на полмили, в ширину она была не более пятисот ярдов. В дальней ее части тонкий ручеек струился по гладким черным камням. Здания фермы были разбросаны по открытой площадке на противоположном берегу узкого ручья, и, глядя на его извилистое, опушенное ивняком русло, трудно было представить, что тут творится весной, когда по долине несутся потоки паводковой воды. Валуны, торчавшие по берегам ручья, поросли зеленым мхом, а в неглубоких омутах вода стояла почти неподвижно.

Постройки располагались на отшибе, подальше от ручья — потертые временем и погодой дощатые стены с матовыми окнами, резко контрастирующие с аккуратными рядами насаждений, которые параллельными рядами тянулись за оградами и занимали остальную часть долины. Центральным местом среди строений был дом в простецком стиле «солтбокс», но с двумя крыльями и эркером, чье окно смотрело на ручей. Справа от дома возвышался амбар с большими дверями на втором уровне и неким подобием купола на коньке крыши. Окон у амбара не было, зато в стену, по всей ее длине, были вмонтированы

вентиляторы. На холме позади амбара стоял полуразвалившийся фуражный сарай, по эту сторону дома — небольшой флигель, а чуть поодаль — еще одно деревянное строение, похоже, отслужившая свой век насосная станция. В северной части долины, возле окружавшего ферму забора, громоздился бетонный куб шириной футов двадцать, с плоской крышей — не иначе как новая насосная, напоминавшая, впрочем, оборонительное сооружение, нечто вроде дота.

«Долина и ферма выглядели точно так, как ему описывали», — отметил человек с биноклем, которого звали Карлос Дипо. Все в облике этого клочка земли смотрелось странно, и это бросалось в глаза. Хотя из амбара доносилось ясно слышимое, раздражающее ухо гудение каких-то механизмов, на всей территории не было видно ни души. От ближайшей деревушки к ферме вела однополосная дорога, она обрывалась около северных ворот, располагавшихся за насосной; но к постройкам тянулась лишь едва приметная тропинка, на ней с трудом можно было различить следы от колес легкой тачки. Тропинка вела от ворот к главному дому и большому амбару.

Откосы холмов, окружавших долину, были крутыми, а на стороне, противоположной тому месту, где лежал Дипо, даже громоздились скалы бурого камня. Такой же скалистый участок был и справа от наблюдателя, на расстоянии сотни футов. Несколько звериных троп вились пыльными лентами через заросли дуба и мадроны, пересекая откосы долины. В южном углу долины коричник бросал ажурную тень на черные камни, с которых в ручей срывался водопад. К северу, за границами фермы, долина завершалась обширными луговыми пастбищами, по ним были рас-

сыпаны рощицы сосны, дуба и мадроны. Там паслись стада, и, хотя между пастбищами и фермой не было загорожок, по состоянию высокой травы в непосредственной близости от фермы можно было понять, что животные по какой-то причине избегают подбираться слишком близко. Это обстоятельство также было отмечено в докладах, которые штудировал Дипо.

Удовлетворившись тем, что вид долины полностью совпадал с ее описаниями, Дипо отполз назад и забрался в тень, отбрасываемую дубом. Там он перевернулся на бок и стащил со спины маленький рюкзак. Он знал, что его одежда сливается с травой, но встать все равно не рискнул — предпочел лежать и слушать. В рюкзаке лежал футляр от бинокля, захвачанный томик определителя птиц, отличный тридцатипятимиллиметровый длиннофокусный фотоаппарат, два сэндвича с говядиной, апельсин и пластиковая бутылка тепловатой воды.

Дипо достал сэндвич и несколько мгновений смотрел сквозь крону дуба, впрочем, ни на чем не фиксируя взгляд. Затем задумчиво тронул черные волосы, торчавшие из ноздрей. Странная ситуация. Уже середина октября, сезон сбора урожая завершился, а Агентство так и не увидело на полях фермы ни одного рабочего, хотя урожай был убран. Дипо не был фермером, но он без труда узнал щетинистую стерню, оставшуюся от пшеницы и покрывавшую поля, солома с которых была аккуратно собрана.

Почему ее убрали? На других фермах, что по пути к этой долине, поля были завалены соломой. Дипо не мог сказать точно, но, вероятно, в этом крылась еще одна причина, по которой Агентство так интересовалось фермой. Его и самого беспокоило это, и он решил, что обязательно проверит, что здесь и как.

Пока же, уверенный, что за ним никто не следит, Дипо, сев спиной к стволу дуба, сжевал один сэндвич и запил его теплой водой из бутылки. Это была первая еда, которую он позволил себе с раннего утра. Апельсин и второй сэндвич Дипо оставил на потом. Сюда, к этой точке наблюдения, его привела долгая медленная дорога от сосновой роши, где он спрятал свой велосипед. До фургона, где осталась Тимиена и откуда она вела наблюдение, от того места было еще полчаса езды на велосипеде. Дипо решил не рисковать и не вылезать из укрытия до темноты, а потому знал, что сильно проголодается, прежде чем доберется до фургона. Такую работу ему выполнять привычно, хотя чем ближе он подбирался к ферме, тем яснее понимал, насколько необычен данный случай. Ну что же, его об этом предупреждали. Упрямство не позволило ему пересечь воображаемую линию, за которой голод выходит из-под контроля, — он пересечет ее на обратном пути. Местность оказалась более открытой, чем об этом можно было судить по фотосъемке, и спрятаться было не так просто, хотя в отчетах Портера как раз об этом и сообщалось. Дипо рассчитывал подобраться к ферме с противоположной стороны и выбрать место, где можно укрыться. Однако пришлось идти навязанным ему маршрутом, и теперь лишь густая бурая трава могла спрятать от посторонних глаз его передвижения через пастбища и подъем на гребень холма.

Покончив с едой, Дипо закрыл бутылку и отправил ее вместе со вторым сэндвичем в рюкзак, после чего бросил быстрый взгляд в сторону, откуда пришел, — не следит ли за ним кто. Никаких признаков слежки Дипо не заметил, хотя и не сумел избавиться

от ощущения, что он здесь не один. Садившееся солнце высветило примятую траву, по которой он приполз на гребень. Но с этим поделаться ничего было нельзя — сломанные и примятые стебли обозначали его след, и по нему его можно было выследить.

В три часа ночи Дипо ехал через Фостервилл, размышляя о спящих горожанах, которые, как ему сказали, предпочитали о ферме не говорить. На окраине городка находился мотель, и Тимиена предложила переночевать там, прежде чем идти на разведку, но Дипо, в сложных ситуациях полагающийся на интуицию, отказался — а вдруг горожане потом о них кому-нибудь расскажут?

ФЕРМА

В последнее время во всех отчетах Агентства слово «ферма» писалось с заглавной буквы, и началось это незадолго до того, как пропал Портер. Прямо перед рассветом Дипо подъехал к развилке, находившейся в нескольких милях от долины, и оставил там Тимиену. Теперь он был орнитолог, хотя поблизости не было ни одной птицы.

Дипо вернулся к своему наблюдательному пункту в густой траве и вновь принялся рассматривать ферму. Здесь в конце шестидесятых годов в позапрошлом веке, чтобы уберечь стада, фермеры поубивали последних представителей жившего в этих краях «дикого» индейского племени. В честь этого памятного дня долину называли Охраняемой. Изначально же, как понял Дипо, читая примечания к некоему историческому труду, долина именовалась Долиной Бегущей Воды, причем по-индейски. Правда, с тех пор многие поколения фермеров изрядно поубавили здешние запасы воды, и вода в ручье бежала не круглый год.

Изучая долину, Дипо размышлял о том, насколько обманчивым может быть название. Случайный прохожий, не знакомый с историей этих краев, подумал бы, что своим именем долина обязана местоположению. Охраняемая долина была зоной, изолированной от внешнего мира, и доступ в нее был только с северной стороны. Склоны холмов отличались крутизной, вершины их венчались труднопроходимыми скальными наростами. *Хотя внешний вид может быть обманчив,* напомнил себе Дипо. Он успешно достиг места, откуда открывался вид на долину, а его бинокль вполне можно рассматривать как мощное оружие. А что, так оно и есть — неприметное с виду и совсем не опасное оружие, мишенью для которого служит Охраняемая долина.

Агент Дипо вошел в группу, занимавшуюся изучением долины, когда Джозеф Мерривейл, директор оперативного отдела, вызвал его на собеседование. Уроженец Чикаго, Мерривейл сознательно культивировал сильный британский акцент и, усмехнувшись, заговорил, роняя слова как булыжники:

— У нас тебе придется лишиться головы пару-тройку своих братьев по разуму.

Все, конечно, знали, насколько Дипо ненавидел даже самые малейшие проявления жестокости.

Из Проспекта стратегического развития Термитника Хеллстрема

Существенным достижением в сфере эволюционного развития насекомых стала система репродуктивной стерилизации, выработанная более ста миллионов лет назад. Данная система обеспечивала количественную фиксацию колонии как агента естественного от-

бора и снимала все прежние ограничения на разнообразие и качество специализации членов колонии (выраженные, в частности, в нормах кастовой дифференциации). Очевидно, если бы мы, позвоночные, были способны двигаться в том же направлении, то, имея значительно более крупный мозг, принадлежащие к нашему виду особи стали бы несравнимо более эффективными специалистами и нам не смог бы противостать никто, даже нынешняя порода обычных людей, на основе которой мы и создадим новое человечество.

Невысокого роста человек с обманчиво юным лицом внимательно слушал, как Мерривейл инструктирует Дипо. Был понедельник, девятый час утра, и коротышка Эдвард Жанверт был удивлен не только тем, что срочное совещание назначили на столь ранний час, но и что все на него прибыли незамедлительно. Да, решил он, у Агентства проблемы.

Жанверт, которого большинство сослуживцев действительно называли Коротышкой, тщательно скрывал то, как ненавидит это прозвище. Ростом он был всего четыре фута и девять дюймов, а потому в нескольких операциях Агентства вполне успешно сходил за подростка. Мебель в офисе Мерривейла была для него велика, и Жанверт уже полчаса пытался безуспешно устроиться в огромном кожаном кресле.

Дельце предстояло деликатное, как отметил Жанверт, а к таким ситуациям он относился с недоверием. Их целью должен был стать некий энтомолог, доктор Нилс Хеллстром, и по тому, как тщательно взвешивал слова Мерривейл, становилось ясно, что у этого типа есть влиятельные друзья на самом верху. В этом бизнесе

вообще было много подводных камней. Традиционные операции по обеспечению безопасности, проводимые Агентством, было трудно отделить от политики, а туда, где она была, неизбежно вмешивалась и экономика.

Вызывая Жанверта, Мерривейл лишь сообщил, что им необходимо держать в резерве вторую команду на случай, если возникнет необходимость быстро подключиться к операции.

Будут жертвы, решил Жанверт.

Он тайком бросил взгляд на Кловис Карр, чья хрупкая фигурка почти утонула в другом массивном кожаном кресле в кабинете Мерривейла. Жанверт всегда подозревал, что Мерривейл нарочно обставил свой кабинет кожаной мебелью, чтобы придать ему вид дорогого английского клуба — кто ж иначе поверит в естественность его британского акцента?

Интересно, знают ли они про нас с Кловис? — подумал Жанверт, стараясь сосредоточиться под напором словесного потока, изливаемого Мерривейлом. Любовь в Агентстве использовали в качестве оружия, когда в этом возникала необходимость. Жанверт пытался не смотреть на девушку, однако его взгляд снова и снова возвращался к ее стройной фигурке. Она была невысокой, всего на полдюйма выше его, брюнетка с дерзким выражением мягко очерченного, по-северному бледного лица, которое словно вспыхивало, когда на него падал солнечный луч. Порой Жанверт, глядя на нее, чувствовал почти физическую боль — так сильна была его любовь.

Мерривейл же тем временем описывал то, что называл «легендой Хеллстрема», и это представлялось как производство документальных фильмов про насекомых.

— Чертовски любопытно, не находите? — спросил он.

Не в первый раз за свою четырехлетнюю службу в Агентстве Жанверт пожалел, что его втягивают в подобные дела. В Агентство он попал, будучи студентом третьего курса юридического факультета, когда во время летней практики случайно нашел эту папку на столе в читальном зале факультетской библиотеки. Движимый любопытством, Жанверт заглянул в папку и обнаружил в ней весьма деликатный документ, посвященный какому-то переводчику в иностранном посольстве.

Первой реакцией Жанверта была ярость вместе с грустью — он-то полагал, будто государство уже давно не прибегает к таким способам шпионажа. Но было в папке нечто, что убедило его в том, что именно государство использует столь сложные и одновременно гнусные методы работы.

К этому моменту Жанверт уже успел пройти через период острого разочарования в профессии, которое испытывает любой первокурсник, оказавшийся один на один с университетским кампусом. Он пришел на факультет, пребывая в твердой уверенности, что закон способен разрешить все дилеммы, стоящие перед человечеством. На поверку же оказалось, что закон — что дышло, как повернул, так и вышло. И разве не закон привел его в библиотеку, где на столе валялась эта чертова папка? Одно обстоятельство потянуло за собой другое, как это бывает всегда, причем без ясно очерченных причинно-следственных связей. Началось все с того, что владелец папки застукал Жанверта за чтением вложенного туда документа.

Впрочем, дальше все выглядело вполне пристойно. На Жанверта вышло Агентство, которому принадлежал случайно прочитанный им документ. Да, он чувствовал давление, порой достаточно сильное, но все, чего они хотели — это пригласить его на работу. Ведь он из хорошей семьи — отец был серьезным бизнесменом, владельцем и управляющим магазина компьютеров в маленьком городке. Поначалу Жанверта все это забавляло.

Вскоре они предложили такую заоблачную зарплату плюс компенсацию расходов, что Жанверт серьезно задумался. Вдобавок Агентство принялось расхваливать его способности и потенциал, причем Жанверт стал подозревать, что все это они на ходу высосали из пальца, поскольку с трудом узнавал себя в их характеристиках.

Наконец маски были сброшены. Жанверту ясно дали понять, что в других правительственных контрактах работы ему не найти. Это был тяжелый удар, ведь всем было известно, что он давно положил глаз на министерство юстиции. Жанверт согласился попробовать поработать на Агентство несколько лет при условии, что ему дадут возможность закончить образование. К этому времени Жанверт уже имел дело с правой рукой шефа, Дзулом Перуджем, и тот, услышав его просьбу, просиял:

— Агентству необходимы профессиональные юристы! — воскликнул он. — Порой мы испытываем в них отчаянную нужду!

Но следующие слова Перуджа насторожили Жанверта.

— Кто-нибудь говорил вам, что вы можете сойти за тинейджера? — спросил Перудж. — Это будет очень полезно, особенно для человека с юридическим образованием.

Последняя фраза прозвучала так, словно Перудж предназначал ее исключительно для себя.

Но все сложилось так, что Жанверт оказался слишком загружен работой, чтобы иметь возможность завершить образование.

— Вероятно, на следующий год, Коротышка, — говорили ему. — Ты же видишь, насколько это серьезное задание. Вы с Кловис должны...

Так он и познакомился с Кловис. Она тоже выглядела значительно моложе своих лет, а потому иногда играла роль сестренки Жанверта; порой они изображали сбежавших из дома влюбленных школьников, которых «не хотят понять» их перестарки-предки.

Постепенно Жанверт начал понимать, что документ, найденный им в библиотеке, был более деликатен, чем он предполагал, и единственной альтернативой службе в Агентстве для него была бы могила в каком-нибудь южном болоте, причем без холмика и обычных для кладбища опознавательных знаков. Жанверт никогда не участвовал в отправке кого-нибудь «на болота», как это называли старожилы Агентства, но о подобной практике знал.

Вот так вот обстояли дела в этом Агентстве.

АГЕНТСТВО

Иначе его никто и не называл. Экономические операции Агентства, шпионаж и иные формы тайного вмешательства в обычную жизнь людей только укрепили Жанверта в его циничном взгляде на вещи. Мир сбросил перед ним свою маску, и Жанверт понял, что большинство его сограждан представления не имеют о том, где живут, а страна, где им до-

велось родиться и тянуть свое существование, является настоящим полицейским государством. Такова уж мировая практика — стоит появиться одному полицейскому государству в статусе мировой державы, как тут же, чтобы противостоять первому, возникает второе. Логика вполне очевидная! Одна сторона неизбежно начинает подражать другой — универсальное условие (так сообща решили Кловис Карр и Эдвард Жанверт). И все, что они видели вокруг себя, несло на себе отпечаток полицейского государства.

— Наше время — время полицейских государств, — подвел итог Жанверт их разговора.

Основой их союза стало совместное желание покинуть Агентство при первой же возможности. В том, что чувства, которые они питали друг к другу, да и сам их союз таили в себе смертельную опасность, они не сомневались. Если им и удастся сбежать, то выжить они сумеют, только полностью сменив личность и всю оставшуюся жизнь скрываться в подполье. Им ли было этого не знать! Агенты оставляли службу, либо погибнув при исполнении, либо просто исчезнув, растворившись в никуда, а их коллегам мягко, но твердо предлагалось не задавать лишних вопросов. Правда, агенты уходили и на пенсию, но остатки своих дней, как утверждали, проводили под строгим, хотя и ненавязчивым наблюдением. Чаще всего в этой связи поговаривали о некоей ферме, разумеется, не о ферме Хеллстрема. Это был приличный дом отдыха, однако точного местонахождения его не знал никто. Упоминали северную Миннесоту. Слухи ходили о высоких стенах, охране с собаками, кортах для гольфа и тенниса, бассейнах, отличной рыбалке на закрытом озере, шикарных гостевых домиках и даже отдельных апар-